
ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

MODERN GLOBAL PROBLEMS

Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 7 (477). С. 5–12.

ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2023;(7(477)):5-12. ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Научная статья

УДК 130.2

doi: 10.47475/1994-2796-2023-477-7-5-12

ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТНО ОБРАЗУЮЩЕГО ОСНОВАНИЯ

Анатолий Борисович Невелев

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, nabobl@mail.ru, ORCID 0000-0001-7037-0574

Аннотация. Уровень современного обсуждения проблемы ценностей человеческого бытия, противоречий между теми или иными системами ценностей, выбора современных ценностных приоритетов и так далее оставляет желать много лучшего. Ценности вводятся в оборот «как бы выстрелом из пистолета», без отбора, без обсуждения их природы, источников и оснований. Зачастую к ним подходят как к самопонятным феноменам и в их подаче преобладает простое перечисление, несколько варьирующееся в зависимости от вкусов и теоретических предпочтений авторов ценностных систем. В статье сделана попытка феноменологической редукции, «взятия в скобки» любой совокупности предметно конкретных ценностей для аксиологического выявления интенциональности ценностного сознания, его энергично любящей составляющей, как ценностно образующего основания, которое обнаруживается в качестве «двойного преодоления», как аксиологически значимого варианта социального отрицания отрицания.

Ключевые слова: ценность, структура ценностного сознания, предметная сторона ценности, энергичная сторона ценности, закон обратного отношения между предметностью и энергичностью, инстинкт, систематическая подработка орудий, абиологичность, первое преодоление, овеществление, образец, идеальное, материальное, нетость, преодоление ценностного сознания

Для цитирования: Невелев А. Б. Проблема ценностно образующего основания // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 7 (477). С. 5–12. doi: 10.47475/1994-2796-2023-477-7-5-12.

Original article

THE PROBLEM OF THE VALUE-FORMING FOUNDATION

Anatoly B. Nevelev

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, nabobl@mail.ru, ORCID 0000-0001-7037-0574

Abstract. The level of modern discussion of the problem of the values of human existence, contradictions between certain value systems, the choice of modern value priorities, and so on leaves much to be desired. Values are put into circulation “like a shot from a pistol” without selection, without discussion of their nature, sources and grounds. They are often approached as self-understood phenomena and a simple enumeration prevails in their presentation, varying somewhat depending on the tastes and theoretical preferences of the authors of value systems. The article makes an attempt at phenomenological reduction, “bracketing” any set of subject-specific values for axiological identification of the intentionality of value consciousness, its energy-loving component, as a value-forming foundation, which is found as a “double overcoming”, as an axiologically significant variant of the social negation of negation.

Keywords: value, the structure of value consciousness, the objective side of value, the energy side of value, the law of the inverse relationship between objectivity and energy, instinct, systematic side-work of tools, abiologicity, the first overcoming, reification, pattern, ideal, material, inaccuracy, overcoming value consciousness, the second overcoming

For citation: Nevelev AB. The problem of the value-forming foundation. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(7(477):5-12. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-477-7-5-12

Введение

Автор методологически фундаментального исследования «Социально-биологическая проблема» В. И. Плотников, онтологически обосновывая преодоление зависимости становящегося человека от инстинктивно-биологического бытия, сделал главный акцент на феномене систематической подработки орудия. Именно на *подработке* орудия, а не на самом факте его использования предчеловеком для решения преимущественно инстинктивно определяемых задач жизни. Само использование орудий ещё всецело подчинено власти инстинкта, оно просто наращивает органы животного или становящегося человека для обеспечения биологического функционирования.

Что касается систематической подработки орудий, то здесь, как справедливо отмечено В. И. Плотниковым, в жизнь предчеловека встраивается абиологический компонент, выводящий становящееся сознание за пределы тяготения биологического поля инстинктивной жизни. В этом мы склонны усматривать методологически значимую «изюминку» концепции, в свете которой можно понять переход биологических предпосылок в абиологическое начало человека и человеческой истории, социального бытия вообще. Биологически обусловленное внимание, хотя бы на время, пресекается биологически нейтральным, абиологическим вниманием к биологически нейтральному орудю. Это возвышает предчеловека над биологической зависимостью, закладывает основы будущей «рефлексии над...» и, в конечном счёте, — основы метафизической компоненты сознания.

Подрабатываемое (улучшаемое) орудие, с одной стороны, выступает опосредованно инстинктивно нужным, радикально меняющим возможности добычи пищи, но оно непосредственно, само по себе принципиально абиологично, условно говоря, «несъедобно». В рамках инстинкта работают две составляющие: то, *что* жизненно влечёт, и то, что процессуально *влечёт*, сама жизнь. Первая составляющая в социальной перспективе человека может стать и становится предметной стороной ценностного сознания, вторая составляющая в перспективе может стать и становится энергичной стороной ценностного сознания.

Систематическая подработка орудий, по мере нарастания орудийного, вещественного опосредования жизни человека в истории, раз за разом

повторяет отсечение влечения от предметной стороны инстинкта, перенося его энергичность на биологически нейтральное орудие. Энергичность страстной захваченности человека миром в нарастающих масштабах смещается на «неорганическое тело», на неживое.

Методологическая значимость абиологического компонента как средства преодоления инстинктивности жизни

Инстинктивная значимость снимается (в гегелевском смысле) орудийной значимостью. Энергичность живого бытия перецепляется с инстинкта на преимущественно функционально значимую вещь, на абиологическое орудие инстинктивного труда. Биологическая нейтральность орудия берёт энергичность инстинкта в свои предметные «скобки», на манер феноменологической редукции Э. Гуссерля. Вещь присваивает, по мере развития орудийной культуры, энергичность жизни. Значительную роль в человеческой истории начинает играть, наряду с живым бытием, неживое бытие. Возникает ценностное сознание, ценность. Ценность в качестве вещного (овеществлённого) жизненного регулятива пытается подчинить своей власти всю сферу инстинктивного бытия.

Достоинство ценностной регуляции состоит в преодолении доминирования инстинкта, недостаток ценностной регуляции состоит в том, что предметным образцом ценности всё больше, по мере развития культуры, выступает неживая вещь. Культура оказывается не только прекрасна, но и опасна своим элементом овеществления жизни людей, их отношений, их бытия, их сознания. В своём пределе тенденция овеществления может привести и приводит к ситуации, когда «на место человека становится вещь, на место вещи становится человек» (К. Маркс).

Ранний капитализм, как общество тотальной вещной зависимости, реализует логическую схему «Д — Т — Д'», в которой отчётливо видно кольцевое движение вещи ради возрастания авансированной стоимости, деньги ради больших денег. Живое попадает в мощную зависимость от неживого, «люди гибнут за металл». Капитализм в полной мере обнаруживает ранее скрытый изъян культуры, цивилизационную тенденцию её развития, если воспользоваться терминологией О. Шпенглера. Овеществление пронизывает все

стороны жизни, выводя на первый план ценностного мира людей её предметную, в данном случае вещную, составляющую. Ценность, ставшая на место основного регулятива социальной жизни и насаждающая культ неживого, теперь должна быть каким-то образом преодолена, чтобы восстановить образец «живой жизни» в качестве базового регулятива.

Проблема «переоценки всех ценностей», поставленная Ф. Ницше, это проблема выбора основания критического осмысления ценностного мира человека. Словами «Бог мёртв» Ницше отметил необходимость переосмысления самого ценностно образующего основания прежде, чем приступать к созиданию новой, жизнеспособной системы ценностей. Необходимо принципиально разобраться с сущностью и структурой ценности. Эта работа предполагает, по нашему мнению, те ходы мысли, которые были сделаны нами ранее. Необходимо обнаружить и понять овеществляющую компоненту культуры и продумать пути возврата к ценностной образцовости, парадигмальности живого.

Надо перестать спешить в переведении методологического обсуждения на частные рельсы конкретных ценностей. Необходимо сосредоточиться на решении проблемы ценностно образующего основания. Бог — исключительно оживотворяющее начало. Что мы мыслим под именем Бога? Не отдали ли мы его суть предметным частностям, сделав именно их невидными «богами». Приём простого перечисляющего введения в житейский оборот одних ценностей на место других содержит в себе фундаментальные недоговорённости, умолчания, непрояснённости.

Предметно-энергичное понимание структуры ценности

Как бы то ни было, но обойтись без принципиальной демаркации предметно определённых частных ценностей и самого всеобщего ценностно образующего основания нам не удастся. В основе такой демаркации лежит исходная: разделение предметной и энергичной сторон ценности, разделение того, *что* мы любим, и того, что мы *любим*. Энергичность влечения, желания, увлечённости, захваченности, интенциональности сознания, энергичность любви вообще должна быть осознана как таковая, как место Бога, как экстатическое «свято место», независимо от того, признаём мы Его или нет. «Человек может любить только универсально» (П. Тейяр де Шарден). Ценность возникает в виде экстатической

вспышки, которую Шарден навал «точка Омега», в виде фокусировки энергичности на каком-либо предмете. Энергичность фокусированно сцепляется с предметом, который при этом может своей предметностью заслонить весь горизонт ценностного сознания. Явления фетишизма и фанатизма убедительно об этом свидетельствуют. Но вместе с тем человек является принципиально предметным существом и категория предметности чрезвычайно важна (И. А. Ильин).

Предметность укореняет нас в бытии. Наша любовь чрезвычайно предметна и единична, осуществляется здесь и теперь, пробуждается этим самым «здесь и теперь». Наша персональная и социальная идентичность, предметная определённость нашего Я берёт своё качество именно из движения по контуру предметного бытия, предметной жизни. Впрочем, при всей индивидуальности, неповторимости, единичности нашего предметного бытия уже само отношение между этими единичностями их нераздельно объединяет. Отношение есть предметно общее между относящимися единичными. Это позволяет поднимать их до уровня предметно особенного. Соответственно, помимо единичной определённости наше Я предметно в качестве особенного. Причём роль особенного берёт на себя какая-либо единичность, придавая нашему Я соответствующее качество особенности.

Это восхождение по категориальной иерархии неизбежно, нам никогда не удержаться только в предметной определённости единичного. При этом начинает предметно работать с нашей идентичностью простой категорический силлогизм, его логика, фундаментально осмысленная ещё Аристотелем и Гегелем (Д. В. Джохадзе). На месте среднего термина пробуют себя все три варианта: единичного, особенного и общего. В совокупности мы имеем логическое предметное идентифицирующее движение в границах всеобщего. Содержательно предметное наполнение силлогизма есть вместе с тем предметное наполнение человеческого Я. Мы не можем поддаваться искушению оставить человеческое Я, его идентичность только «в одеждах» единичности. Появившись как единичность, идентичность индивидуального человека развивается в особенность, общность и, в конечном счёте, во всеобщность. Это результат деятельного движения самой жизни, который логика требует учитывать и в сфере мысли, мышления. Сама экзистенция в своей неповторимой единичности переживает категориальные метаморфозы. Мыслительные формы

экзистенциально значимого силлогизма эмоционально наполнены (Г. Башляр).

Стратификация социального бытия и идентичность человека

Если методологически исходить из синтеза гегелевского категориального подхода, марксистской ориентированности на основополагающее значение социальной практики и экзистенциального осмысления индивидуального бытия, то, на наш взгляд, можно попытаться представить предметность ценностного мира человека, его предметной идентичности в привязке к своему рода слоям (структурным уровням) социального бытия, используя некоторые основополагающие идеи новой онтологии Н. Гартмана. В частности, это методология стратификации бытия, идея законов структурных уровней бытия и законов их отношений между собой.

В отличие от стратификации бытия у Н. Гартмана мы пытаемся генетически увязать между собой эти слои, опираясь на идею модификации культуры как инвариантного *средства* отношения человека к миру. Соответственно, каждый слой бытия задан модификацией средства и эта модификация, это качественное своеобразие, от начала до конца пронизывает собой весь рассматриваемый слой. Мы при этом не уходим от тех проблем, которые поставлены выше, от проблем демаркации предметной и энергийной сторон ценности, ценностного мира человека.

Все ходы мысли по-прежнему работают на одну цель: философски осмыслить «дорогу к храму», к святому месту, которое конституирует ценности, дорогу к ценностно образующему основанию. Слои бытия мы намерены представить в русле упомянутой логики силлогизма, прежде всего в правильной форме («первая фигура силлогизма» у Аристотеля, «единичное — особенное — всеобщее» у Гегеля).

Центральная стержневая взаимозависимость, которая осуществляет синтез всех упомянутых составляющих нашей концептуальной гипотезы, выражена законом обратного отношения между предметностью и энергийностью: чем меньше предметная определённость ценности, тем больше, насыщеннее энергийность ценности.

Предметное восхождение (предметная «лестница» слоёв бытия, орудийный слой, символический слой, знаковый слой, предельно категориальный, универсальный слой) представляет собой категориальную универсализацию мироотношения при нарастании предметной

неопределённости, которая в итоге «сходит на нет», оставляя от себя самую «ничтожную» «нетость» (М. Хайдеггер), «безотносительное “не”» (Г. Гегель). «Не» в силу предельно крайней *не*-определённости является тем «ничем», которое открывает человеку все возможные направления предметного бытия, бывший ничем, становится всем. Человек в своей предметной идентичности остаётся сугубо предметным существом, но предметно поднявшимся до возможности уровня идентичности с мирозданием.

«Нетость» придаёт предметной идентичности человека, его Я, абсолютную трансцендентальность, оставляя его предметно «стоять обеими ногами на хорошо округлённой земле». На основе предметной идентичности с нетостью человек, его предметное Я, получает, с одной стороны, средство социокультурного или религиозного самоконтроля в виде табуирования, запрета, заповеди, когда именно «не» остаётся инвариантом, стягивающим в себя всю предметную конкретику запрещающих актов.

С другой стороны, «не» становится предметным обозначением «задержанного вожделения» (Г. Гегель), вся энергийная полнота жизни индивида, этноса, народа упирается в это «не», как могучая река в искусственно созданную людьми на её стремительном течении плотину. Мощь универсальной энергийности жизненного потока наконец-то онтологически позволяет без особых интеллектуальных усилий осуществить демаркацию энергийности вообще от предметности вообще как таковой. Философия в лице Платона и особенно неоплатоников (Плотин, Прокл и др.) уловила процесс демаркации в учении о структуре мира, где Единое полностью отделено, демаркировано, как сугубо энергийный феномен, от любой предметности, даже от предметности Ума, от его мыслительных форм.

Мир предстал как истечение, эманация энергийности Единого, которое предметно нельзя помыслить. Неоплатоники полагали, что они превзошли предметность бытия в энергийности Единого. Между тем, мысля само Единое и его энергийность, они удерживали в сфере философского внимания его как предмет. И не важно, что он якобы неуловим предметной мыслью. Мысль о «не»-уловимости Единого есть мыслительное улавливание его, превращение его в предмет. Непредметное, названное так, уже есть предмет мысли, предметная мыслительная форма. Думать, что мы полностью утрачиваем предметность, было бы *недомыслием*, то есть мысль тут

не дотягивается *до* нерушимой предметности самого «не».

Каждый предметный уровень бытия (орудийный, символический, знаковый и предельно категориальный, универсальный) естественно сопряжён через идентификацию со своей предметно обусловленной энергийностью человеческого сознания. Уместно говорить о восходящем и нисходящем направлениях движения стратифицированной энергийности, выраженной модифицированным средством культуры. Из логики предшествующего анализа следует, что есть орудийная энергийность (орудийно обусловленная, орудийно детерминированная). Она составляет сугубо материальную деятельную способность человека, выраженную в труде, в практическом преобразовании природы и социума.

Идеальное бытие в орудийном слое имеет зачаточные формы. На первом плане — материальное преобразование мира. Сопrotивление мира намерениям человека здесь максимальное. Энергийность максимально отягощена вещной определённой. Внешний мир диктует свои законы, ограничивая возможности субъективного, произвольного способа бытия человека. Ценности овеществлены, сохраняя свою изначальную зависимость от вещного бытия.

Надо отметить, что орудийность предполагает *непосредственную сцепленность* человека через орудие с объектом, на который направлены его преобразующие усилия. Откладывание орудия в сторону означает, что совершился радикальный скачок из орудийной сферы (слоя) бытия в символическую сферу. Вместе с этим качественным преобразованием энергийности (от орудия к символу) преобразуется и предметное качество ценностей: на место орудийных становятся символические.

Интенциональность сознания отрицательным образом обусловлена тем предметным бытием, которое берётся в скобки при феноменологической редукции. Орудийность, взятая в скобки, сохраняет за интенциональностью качество орудийности, символичность, взятая в скобки, тоже отрицательным образом, сохраняет за интенциональностью сознания символический характер ценностей. Неорудийная ценность, по существу, идеально орудийна, несимволическая ценность, по существу, идеально символична. В том же духе можно определить интенциональность и ценностность знакового сознания и предельно знакового, категориального сознания.

Обратная взаимосвязь предметности и энергийности в ценности

Любое «*ничто*» предметно определено тем, «*что*», которое подвергается отрицанию. Интенциональность ценностного сознания по отношению к предмету, «взятому в скобки», отрицательно сохраняет этот предмет в своей определённости. Вместе с тем переводение мысли в трансцендентальный план усиливает именно предметно вертикальную трансцендентальность. Сопrotивление содержания, взятого в скобки, минимизируется именно по вертикали. По мере «исчезновения предметности» (К. Ясперс), точнее, вещественности, крепнет энергийность, имея дело с ослабленной через идеализацию символической, знаковой и предельно знаковой, универсальной предметностью. Феноменологическая редукция Э. Гуссерля имеет аналог в противоречивой сути самой жизни, которая «ничтожит» во времени предметную определённую интенций ценностного сознания, способствуя фокусированию его энергийности на «не», на парменидовском бытии как таковом.

Народной мудростью уловлено обратное отношение предметности и энергийности бытия, например в пословицах и поговорках: «языком-то ты горазд», «мели, Емеля, твоя неделя», «язык-то без костей», «гладко было на бумаге, да слушаются овраги, а по ним ходить», «на словах-то ты силён». Обратное отношение предметности и энергийности бытия, как представляется, доказательно просматривается в апофатическом богословии. Ксенофан, давая Богу отрицательные определения, подготавливает онтологию Парменида, его учение о бытии вообще, которое можно только мыслить.

Причём Парменид, по словам Аристотеля, философствует как бы в экстазе, переживает энергийную вспышку, осмысливая бытие как таковое. Мыслить бытие и быть — это одно и то же, убеждён Парменид. Он сам и его учение о бытии экзистенциально, ценностно слиты, всеобщее жизненно совпадает с единичным бытием самого философа. В том же ключе интересны свидетельства о способе преподавания учения об идее Эроса Платоном, который, доведя изложение о процессе сублимации (возвышения) Эроса до уровня идеи Эроса как такового, просил учеников отложить их записи в сторону и сосредоточиться на нём самом, на нём, переживающем идентичность с Эросом как таковым. На нём, переживающем персональную идентичность с бытием Эроса как такового вообще.

Единичностью своего переживания он передавал ученикам всеобщий ценностный смысл идеи. Как Парменид, так и Платон, думается, обгоняя время, указывали на методологическое основание преодоления овеществлённости ценностного бытия, элемент которого, как мы отмечали, несёт в себе культура. Абиологичность вещи вывела человека за пределы природы, положила начало культуре, цивилизации, но вместе с тем обеспечила становление овеществлённости, резюмируемой обществом вещной зависимости.

И в современном обществе мы имеем колоссальную степень захваченности человека миром вещей. Энергичность ценностного сознания зачастую просто порабощена вещами, предметной (вещественной) составляющей социального и индивидуального бытия. На первый план выходит проблема овеществлённости ценностного сознания, точнее, **проблема преодоления этой овеществлённости**. Инстинкт был преодолен абиологичностью становящейся ценности, идентичностью человека с образцовым неживым, а нынче подлежит преодолению абиологичность предметной стороны ценности, подлежит преодолению увязание идентичности человека в предметном неживом, в его неорганическом теле.

Человеку предстоит открыть себя в качестве исключительно живого, преимущественно живого существа. Этот онтологический ход предполагает принципиальное устранение любых предметно отвлекающих от живой энергичности моментов. Неживое, неорганическое тело, как источник идентичности, должно быть редуцировано, максимально устранено с целью преодоления акцента на неживом. Неживое должно быть подвергнуто редукции к минимальной предметности, к «безотносительному «не»», к «нетости». Минимизация предметности раз за разом возвращает человека к самому себе живому, не навязывая никакой дальнейшей предметной определённости. Идентичности человека тут не за что зацепиться, кроме очередного обращения к безотносительному «не». Второе «не», между тем отрицая первое, его же и утверждает («отрицание отрицания»).

Методологическое понимание преодоления овеществлённости бытия

«Не» остаётся предметным стержневым инвариантом, дисциплинирующим энергичность как таковую (хаос) человеческого поведения через табуирование, но в то же время предметно не навязывая, не стопоря, творческую открытость человека миру, открытость ко всему. Обе стороны («роли») идентичности с «нетостью» — дисциплинирующая и творческая — чрезвычайно важны. Дисциплинирующая позволяет удержаться на гребне энергичности и не упасть в пучину («бездну») саморазрушения, творческая позволяет находиться в непрерывном контакте с созидующим хаосом *не*-предметного бытия, не абсолютизируя никакое направление предметных интенций сознания. Предметный мир оказывается тут взвешенным в эфире энергичного универсума Любви как таковой.

Заключение

Итак, подводя некоторый итог размышлениям о проблеме ценностно образующего основания, отметим, что возвращение человека к приоритету живой жизни сопряжено, во-первых, с демаркацией энергичной и предметной составляющих ценностного бытия и сознания, во-вторых — с пониманием исторически возможных приоритетов развития человека и человечества: с приоритетом предметной составляющей, тяготеющей к абсолютизации неживого (неорганического тела), и приоритетом энергичной составляющей, тяготеющей к абсолютизации живого, в-третьих, с осмыслением закона обратного отношения между предметностью и энергичностью, который, в-четвёртых, позволяет выстроить систему оживотворенных ценностей, когда принципиальный приоритет экстатически любящей энергичности живой жизни, как ценностно образующего основания, ни при каких обстоятельствах не забывается и не подчиняется ни одной частной предметной ценности, играя по отношению к предметной стороне бытия принципиально конституирующую роль.

Список источников

1. Плотников В. И. Социально-биологическая проблема : материалы спецкурса. Свердловск, 1976. 92 с.
2. Гуссерль Э. Картезианские размышления / пер. с нем. Д. В. Складнева. СПб. : Наука : Ювента, 1998. 315 с., [1] л. портр.; 17 см. (Слово о сущем).
3. Маркс К. Капитал: Критика политической экономии / [науч. ред. : Л. Л. Васина и др.]; [пер. с нем.,

фр., англ. : Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС]. 2-е изд. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2014. — (Капитал. Карл Маркс).

4. Шпенглер О. Закат Европы : [пер. с нем.]. М. : Искусство, 1993. 298, [5] с. ; 20 см.
5. Ницше Ф. Так говорил Заратустра : [пер. с нем.]. М. : Эксмо, 2022. 347 с.; 18 см.
6. Тейяр де Шарден П. Феномен человека : [пер. с фр.]. М. : АСТ [и др.], 2012. 381 с.
7. Ильин И. А. Путь к очевидности : [сборник] / [послел. В. И. Кураева ; примеч. Р. К. Медведевой]. М. : Республика, 1993. 430, [1] с. (Мыслители XX века).
8. Джохадзе Д. В. Основные этапы развития античной философии: К анализу диалектики ист.-филос. процесса / АН СССР, Ин-т философии. М. : Наука, 1977. 295 с.
9. Башляр Г. Избранное: Научный рационализм / [пер.: А. Ф. Зотов, Л. П. Илиева]; [сост. и науч. ред. А. Ф. Зотов]. М. ; СПб. : Университет. кн., 2000. Т. 1. 395 с.: ил.
10. Гартман Н. К основоположению онтологии = Zur Grundlegung der Ontologie / пер. с нем. Ю. В. Медведева ; под ред. Д. В. Складнева. СПб. : Наука, 2003. 639 с. (Слово о сущем; Т. 41).
11. Гегель Г. В. Ф. Наука логики: перевод с немецкого. М. : Эксмо, 2020.
12. Аристотель. Категории. С прил. «Введения» Порфирия к «Категориям» Аристотеля / пер. А. В. Кубицкого ; ред., вступ. статья «Учение Аристотеля о категориях бытия» с. V–XXXVII и примеч. Г. Ф. Александрова; АН СССР. Ин-т философии. Моск. ин-т истории, философии и лит. М. : Соцэкгиз, 1939. XXXVI, 84 с.: портр.
13. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. [с нем. и примеч.] В. В. Бибихина. М. : Ad Marginem, 1997. 451 с.
14. Платон. Пир; Отрывок из «Критона»; Республика: (О любви): (О справедливости). СПб. : тип. Ц. Крайз и К°, 1900. 27 с. (Общедоступная философия / Аркадий Пресс).
15. Плотин. Первая Эннеада / [пер. с древнегр. Т. Г. Сидаша]. СПб. : Квадривиум, сор. 2017. 226, [1] с.: ил. (Seria Hellenica).
16. Прокл. Платоновская теология / изд. подгот. Л. Ю. Лукомский. СПб. : Лет. сад, 2001. 623 с.
17. Парменид. Поэма Парменида = The Poem of Parmenides / пер. и коммент. Е. В. Афонасина. Новосибирск : Центр изучения древней философии и классической традиции НГУ : Офсет-ТМ, 2021. 97, [1] с.: цв. ил. (Античная философия и классическая традиция: приложение к журналу ΣΧΟΛΗ = Ancient philosophy and the classical tradition: ΣΧΟΛΗ Supplements; т. 2).
18. Фалес и Ксенофан (Древнейшая фиксация космологии Фалеса) // Античная философия в интерпретации буржуазных философов. М., 1981.

References

1. Plotnikov VI. Social`no-biologicheskaya problema. Materialy` speczkursa. Sverdlovsk; 1976. 92 p. (In Russ.).
2. Gusserl E. Kartezijskie razmy`shleniya. St. Petersburg, Nauka Publ., Yuventa; 1998. 315 p. (In Russ.).
3. Marks K. Kapital: Kritika politicheskoy e`konomii. 2nd ed. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber Publ.; 2014. (In Russ.).
4. Shpengler O. Zakat Evropy. Moscow, Iskusstvo Publ.; 1993. 298 p. (In Russ.).
5. Niczsche F. Tak govoril Zaratustra. Moscow, E`ksmo Publ.; 2022. 347 p. (In Russ.).
6. Tejyar de Sharden P. Fenomen cheloveka. Moscow, AST Publ.; 2012. 381 p. (In Russ.).
7. Il`in IA. Put` k ochevidnosti. Moscow, Respublika Publ.; 1993. 430 p. (In Russ.).
8. Dzhohadze DV. Osnovnye etapy razvitiya antichnoj filosofii: K analizu dialektiki ist.-filos. processa. Moscow, Nauka Publ.; 1977. 295 p. (In Russ.).
9. Bashlyar G. Izbrannoe: Nauchny`j racionalizm. Moscow, St. Petersburg; 2000. Vol. 1. 395 p. (In Russ.).
10. Gartman N. K osnovopolozheniyu ontologii = Zur Grundlegung der Ontologie. St. Petersburg, Nauka Publ.; 2003. 639 p. (In Russ.).
11. Gegel GVF. Nauka logiki: perevod s nemeczkogo. Moscow, Eksmo Publ.; 2020. (In Russ.).
12. Aristotel`. Kategorii. S prilozhenijem "Vvedeniya" Porfiriya k "Kategoriyam" Aristotelya. Moscow, Socze`kgiz; 1939. XXXVI, 84 p. (In Russ.).
13. Hajdegger M. By`tie i vremena. Moscow, Ad Marginem; 1997. 451 p. (In Russ.).
14. Platon. Pir; Otry`vok iz "Kritona"; Respublika: (O lyubvi): (O spravedlivosti). St. Petersburg, Kraiz i K°, 1900. 27 p. (In Russ.).

15. Plotin. Pervaya E`nneada. St. Petersburg; 2017. 226 p. (In Russ.).
16. Prokl. Platonovskaya teologiya. St. Petersburg; 2001. 623 p. (In Russ.).
17. Parmenid. Poema Parmenida = The Poem of Parmenides. Novosibirsk; 2021. 97 p. (In Russ.).
18. Fales i Ksenofan (Drevnejshaya fiksaciya kosmologii Falesa). In: Antichnaya filosofiya v interpretacii burzhuazny`x filosofov. Moscow, 1981. (In Russ.).

Информация об авторе

А. Б. Невелев — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии факультета Евразии и Востока.

Information about the author

A. B. Nevelev — Professor, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Philosophy of the Faculty of Eurasia and the East.

Статья поступила в редакцию 27.08.2023; одобрена после рецензирования 01.09.2023; принята к публикации 05.09.2023.

The article was submitted 27.08.2023; approved after reviewing 01.09.2023; accepted for publication 05.09.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.